

В КРУГЕ ЭРОТИЗМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: МИФЫ И ФАКТЫ

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9527-7878>
(nadesłano 21.08.2019; zaakceptowano 10.10.2019)

Abstract

In the Circle of F.M. Dostoevsky's Eroticism: Myths and Facts

The paper considers examples of eroticism in the biography and heritage of F.M. Dostoevsky. The author of the publication turns to well-known and new studies, makes novel comparisons through analysis of facts and myths. This paper does not provide the final answer, but rather proposes new questions, the answer to which will depend on the methodology of further research. The personality of the writer appears as ambiguous and contradictory, which is reflected in his polyphonic literary works. In addition, the author has become an attribute of the postmodern worldview, which decreases the clarity of understanding.

Key words: eroticism, myth, fact, Dostoevsky, Stavrogin's sin, paedophilia

Резюме

В статье рассмотрены примеры эротизма в биографии и творчестве Ф.М. Достоевского. Автор публикации обращается к известным и новым исследованиям, производит нетипичные сопоставления через анализ фактов

и мифов. Данная публикация не является окончательным ответом, а, скорее, ставит новые вопросы, ответ на которые будет зависеть от методологии дальнейших исследований. Личность писателя предстает неоднозначной, противоречивой, что отражено и в полифоническом творчестве. К тому же, автор стал атрибутом постмодернистской картины мира, что удаляет от однозначности понимания.

Ключевые слова: эротизм, миф, факт, Достоевский, ставрогинский грех, педофилия

Творческая система Ф.М. Достоевского – это сложное пересечение художественной и действительной реальностей, а также биографического опыта самого писателя. Литературные критики уже в конце XIX века пытались найти точки соприкосновения между персонажами произведений автора и его биографическим опытом. Особый интерес составляли темные стороны человеческой природы, которых в наследии писателя множество. Именно поэтому Н.К. Михайловский для характеристики творчества в предисловии к *Полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского* в 1882 году использовал словосочетание «жестокий талант» (Михайловский 1882). Еще двумя годами ранее К.Н. Леонтьев в статье *О всемирной любви. По поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике* писал о «розовом христианстве» (Леонтьев 1990: 9–31). А в 1903 году Л.И. Шестов в работе *Достоевский и Ницше (философия трагедии)* заговорил о завуалированной нераскаянности (Шестов 2000: 308–451). Это первые оценки в будущей острой полемике о Достоевском, когда предметом анализа стали произведения, воспоминания, переписка, а также многочисленные спекуляции, сопоставления и инсинуации, что открыло не только интересные факты о личности писателя, но и породило мифы, а на их основе – мифы мифов, фактоиды и полуправды.

Но наиболее жестко о писателе можно прочесть в письме, которое на протяжении тридцати лет после его смерти не было доступно широкому читателю. 28 ноября 1883 года Н.Н. Страхов писал Л.Н. Толстому по поводу страшного отворачивания, которое переживал, создавая первую посмертную биографию Достоевского, так как был вынужден «обелять», как отмечал, великого писателя, учитывая лишь дарования гения, но не личностные качества:

Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, – это герои *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Преступлении и Наказании* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим. При такой натуре он был очень расположен к сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаниям, и эти мечтания – его направление, его литературная муза и дорога. В сущности, впрочем,

все его романы составляют *самооправдание*, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости (Страхов 1883).

Письмо увидело свет лишь после смерти Страхова и Толстого в 1913 году. Литературоведы И.С. Андрианова и Б.Н. Тихомиров во вступительной статье к новому изданию воспоминаний жены писателя А.Г. Достоевской пишут: «Оно стало неожиданным и страшным ударом для вдовы писателя, которая посвятила свою жизнь сохранению посмертной памяти о Достоевском – писателе и человеке» (Андрианова, Тихомиров 2015: 33). И это неудивительно, ведь Страхов говорит открыто о «ставрогинском грехе» Достоевского. Как известно, речь идет об ужасном поступке центрального героя романа *Бесы* Николая Ставрогина, представленного в главе-исповеди *У Тихона*, которую редактор М.Н. Катков и не допустил к печати в «Русском вестнике», что в своем письме отметил Страхов. Согласно сюжету, Ставрогин соблазняет четырнадцатилетнюю девочку, а в итоге позволяет ей повеситься: «Наверное ей показалось в конце концов, что она сделала невероятное преступление и в нем смертельно виновата, – „бога убила”» (Достоевский 1974: 11: 16). Данный мотив характерен для прозы Достоевского. Литературоведы Т.И. Орнатская и Н.Ф. Буданова в комментарии к главе *У Тихона* в *Полном собрании сочинений* заметили:

Тема обиженной девочки, возникшая у Достоевского в начале 1860-х годов в связи с замыслом неосуществленного романа, сохраняет устойчивость и в последующем творчестве писателя, сложно преломляясь и видоизменяясь в зависимости от тех художественных задач, которые он перед собой ставил (темы поруганной невинности и красоты; предельного нравственного падения, раскаяния и возрождения; образ «сладострастного насекомого», не знающего жалости к своей жертве, и др.) (Достоевский 1975: 12: 238).

Детально данным вопросом занимался также исследователь В. Свинцов в статье *Ставрогинский грех Достоевского*:

Слух о том, что ставрогинский сюжет для Достоевского биографичен, возник еще при его жизни. Одним из первоисточников слуха стал И. Тургенев. Он рассказывал, что Достоевский сам признался ему в растлении девочки. Обрастая подробностями, слух какое-то время существовал в виде околотитулярного фольклора, не выходящего за пределы узкого круга. Его первый прорыв в печать относится, видимо, к 1908 году. Несколько петербургских периодических изданий («Петербургская газета», «Русское слово», «Русь»), обсудив попавший в поле их зрения сенсационный материал, расценили его как сплетню. Казалось, что слух о ставрогинском грехе Достоевского будет навсегда забыт (Свинцов 1995: 111–112).

Сама вдова писателя А.Г. Достоевская 2 марта 1915 года писала в письме племяннику мужа А.А. Достоевскому: «Я никак не могу избавиться от того гнетущего состояния, в которое меня повергла клевета Страхова, это сделалось каким-то для меня кошмаром» (Достоевская 2015: 33–34). А в воспоминаниях она продолжает: «...Если бы Николай Николаевич был жив, я, несмотря на мои преклонные годы, немедленно бы отправилась к нему и ударила бы его по лицу за эту низость» (Там же: 34).

Данный слух возвращался неоднократно снова и снова, хотя еще в конце 70-х годов прошлого века развенчанием мифа занялся известный литературовед В.Н. Захаров в книге *Проблемы изучения Достоевского* (Захаров 1978: 75–109), который в уже более позднем исследовании отметил: «И „слухи“, и „анекдоты“ не состоятельны, они не выдерживают критической проверки фактами. Это заурядная клевета литературных врагов и недругов Достоевского» (Захаров 2013: 340). Также И.Л. Волгин в книге *«Родиться в России...» Достоевский и современники: жизнь в документах* достаточно аргументированно объяснил причину появления темы нимфофилии у Достоевского. Автор обращает внимание на травму детства писателя: некий бродяга изнасиловал малолетнюю девочку, которая умирает на глазах маленького Феди, что станет непреодолимой болью, и к ней возвращается Достоевский в своих текстах:

В итоге зловещая тень падет на него самого. Страхов, Толстой, Тургенев, Григорович и множество других достойных и уважаемых лиц будут осведомлены (с той или иной степенью вероятия) об ужасном поступке, которым якобы «похвалялся» защитник униженных и оскорбленных. Стыдливо ликующая молва обвинит его в растлении малолетней. (...) Русским писателям не привыкать к оговоркам. Но подобной мерзости, кажется, не достаивался еще никто из них (Волгин 1991: 128).

Казалось бы, точка поставлена, однако объяснения И.Л. Волгина не принимает упомянутый выше исследователь В. Свинцов, который в статье *Достоевский и «отношения между полами»*, опубликованной в журнале «Новый мир», вступает в полемику с литературоведом:

Я позволю себе с надлежащей долей осторожности усомниться если поначалу не в аутентичности самого эпизода, то, во всяком случае, потрясения Достоевского – настолько сильного, что ужас якобы не оставлял его всю жизнь. Иными словами, мне представляется весьма неубедительным объяснение, связывающее бесспорный интерес Достоевского к теме ставрогинского греха с детским переживанием (Свинцов 1999).

К тому же, до сих пор не найдено свидетельств об изнасилованной и умершей девочке в медицинских документах Москвы того времени и места, хотя такие поиски проводились, на что обратил внимание Н.Н. Богданов в книге *Вокруг Достоевского. Поиски, находки, размышления* (Богданов 2019). В данном случае мы возвращаемся в замкнутый круг фактов и вымыслов, что еще больше усложняет анализируемый контекст. Абсолютно верным может выглядеть, на наш взгляд, лишь единственное утверждение: был ли факт ставрогинского греха в биографии Достоевского, является вопросом без ответа; то, что данный мотив стал литературной реальностью, – факт бесспорный. Но интерпретация данного художественного явления и поиск документально-биографических подтверждений вписывается в концепцию известного литературоведа Ролана Барта о «смерти автора», который в эссе *Смерть автора* писал: «...Объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз „исповедуетя“ голос одного и того же человека – автора» (Барт 1994). Однако исследователи будто забывают о ведущем принципе поэтики реализма, который требует объективности изображения. К тому же, данный принцип наклад-

дывается на полифонический роман Достоевского (о чем писал М.М. Бахтин), что лишь усложняет смысловую канву произведения. А поиск автора в тексте, согласно Барту, является стремлением к окончательному его прочтению, чем занимается классическая критика, тогда как важнейшим элементом интерпретации сегодня должен быть читатель. Хотя и сам критик является также читателем, который выражает одну из версий осмысления текста. Как видно, в творческой системе Достоевского часто неотделимо биографическое и вымышленное. В подобном ключе смотрит на русского писателя всемирно известный психоаналитик Зигмунд Фрейд, опубликовавший в 1928 году статью *Достоевский и отцеубийство*, в которой говорил, что усмотрел в личности Достоевского художника, невротика, моралиста и грешника. Все эти элементы исследователь связывает с творчеством автора, через которое пытается объяснить и биографию (Фрейд 1995: 285–294). Однако данный взгляд столкнулся с обширной критикой.

Не является исключением в подобного рода инсинуациях и польское литературоведение. Известный биограф Достоевского Станислав Цат-Мацкевич (Stanisław Cat-Mackiewicz) в книге *Dostojewski* замечает:

W pierwszych powieściach i nowelach Dostojewskiego natrętnie występuje typ skrzywdzonego dziecka – kapryśnej dziewczynki. Jest to zapewne reminiscencja tej dziewczynki, którą Dostojewski zgwałcił, ale której nazwiska nie znamy i nic pozytywnego o niej nie wiemy, nawet nie wiemy, czy naprawdę była kapryśna, czy też cechę tę dodał jej Dostojewski przez własne upodobanie (Cat-Mackiewicz 2013: 166).

Автор не приводит совершенно никаких доводов, что данное утверждение имеет некую степень реальной возможности, тогда как эта книга является важной в польском достоевковедении и занимает свое место на полке польского читателя, также именно она становится одним из источников польской страницы «Википедии» о писателе. Последний факт означает, что литературные спекуляции попадают напрямую к массовому, самому широкому, читателю.

К тому же, Цат-Мацкевич названную «капризность» связывает с Аполлинарией Суловой, которая была любовницей Достоевского и которая, согласно утверждению биографа, стала прототипом некоторых героинь художественной прозы писателя: например, Настасьи Филипповны из романа *Идиот*. Связь Суловой с женскими персонажами писателя впервые прослеживает философ русского религиозного ренессанса В.В. Розанов, который, что интересно, был позже мужем А.П. Суловой. Он также увидел образ своей жены в ряде женских персонажей романов Достоевского: Дуня (*Преступление и наказание*), Аглая, Настасья Филипповна (*Идиот*), Лиза (*Бесы*), Ахмакова (*Подросток*), Катерина Ивановна (*Братья Карамазовы*), Полина (*Игрок*). Сам Розанов писал в письме Волжскому:

С Суслихой я первый раз встретился в доме моей учительницы А.М. Щегловой (мне 17 лет, Щегловой 20–23, Суловой 37): вся в черном, без воротников и рукавчиков (траур по брату), со «следами былой» (замечательной) красоты... Взглядом опытной кокетки она поняла, что «ушибла» меня – говорила холодно, спокойно (Сулова 1994: 4).

Это было через много лет после бурного романа Суловой с Достоевским, вокруг которого также огромное количество мифов и домыслов, выискиваний параллелей в художественном мире писателя.

Любовь между Суловой и Достоевским страстная, надрывная, мучительная для обоих. На момент знакомства еще жива первая жена Достоевского М.Д. Исаева, которая уже смертельно больна на момент развития отношений с Суловой, и болезнь не мешает писателю уезжать за границу к любовнице. Исаева – единственная женщина Достоевского, которая была схожего возраста с ним: на момент знакомства ей 29, ему 33. Об отношениях с Суловой литературовед А.С. Долинин заметил:

Была не одна только страсть, слепая, воспаленная, – с его стороны, и не одно, со стороны Суловой, наслаждение своим превосходством, своей властью, с оттенком мучительства, но и настоящая духовная близость, глубокое чувство сострадания и жалости друг к другу (Там же: 21).

Точной даты их знакомства нет, но известно, что в 1861 году в журнале братьев Достоевских «Время» вышла повесть пера Суловой под названием *Покуда*, которая не отличается глубоким литературным талантом, а поэтому закономерен вопрос литературоведа Л.И. Сараскиной в новейшей биографии писателя:

Почему же издатели «Времени» поместили посредственную повесть неизвестного автора между восьмой главой «Записок из мертвого дома» Достоевского и романом в стихах «Свежее предание» Полонского? Что стояло за привилегиями, которые, по непонятным причинам, получил автор, появившись в одном разделе с такими мастерами, как Островский (его «Женитьба Бальзаминова» открывала номер), Майков (стихотворение «В горах»), Некрасов («Крестьянские дети»), Григорович («Уголок Андалузии»)? (Сараскина 2013: 358).

Перелом в отношениях произошел в 1863 году, когда Достоевский едет в Париж к Суловой, но та 19 августа замечает в своем *Дневнике*: «Ты едешь немножко поздно...» (Сулова 1994: 37). Она полюбила другого, но тот, используя ее, бросает, избегает встреч. Сулова сильно переживает, Достоевский предлагает лишь дружбу и совместное дружеское утешительное путешествие в Италию. Она едет, но для него это еще проблеск надежды, что только усугубляет их конфликт. 6 сентября в Баден-Бадене Сулова снова пишет в *Дневнике* об эротическом признании Достоевского, который говорит: «Я сейчас хотел поцеловать твою ногу» (Там же: 46); и далее запись 17 сентября в Турине: «Когда мы обедали, он, смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: „Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: „Истребить весь город“. Всегда так было на свете”» (Там же: 48); запись 29 сентября в Риме: «Вчера Ф[едор] М[ихайлович] опять ко мне приставал. Он говорил, что я слишком серьезно и строго смотрю на вещи, которые того не стоят. (...) – Ты знаешь, – говорил он, – что мужчину нельзя так долго мучить, он, наконец, бросит добиваться» (Там же: 49). Прошел еще год, и Сулова уже писала совершенно категорично, 14 декабря 1864 года она заметила: «Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Д[остоевского], он

первый убил во мне веру» (Там же: 90). Что именно сделал Достоевский Сулова не говорит, здесь могут появиться очередные спекуляции, но фактом является то, что на момент их знакомства Суловой было 23 года, Достоевскому уже 42. Также было предложение замужества, о чем Сулова упоминает в предпоследней записи *Дневника*, сделанной в Петербурге 2 ноября 1865 года: «Сегодня был Ф[едор] М[ихайлович] и мы все спорили и противоречили друг другу. Он уже давно предлагает мне руку и сердце и только сердит этим»; также приведены слова Достоевского, который объясняет причину конфликта: «Ты не можешь мне простить, что раз отдалась, и мстишь за это; это женская черта» (Там же: 106–107). Конфликт данных взаимоотношений воспроизведен и в повести авторства Суловой *Чужая и свой*, где легко усматриваются параллели с дневником. Но когда была поставлена и была ли поставлена окончательная точка в этих взаимоотношениях, документально подтвержденного ответа нет. Цат-Мацкевич создает очередной миф, в котором можно уловить и некоторые детали фактов:

Z szeroką suknią rozrzuconą na łóżku Polina dała swą nóżkę w czarnej pończoszce do pocałowania. Przed Dostojewskim znów otwierały się rozkosze, do których dostęp honorem mu był zakazany. Im więcej zakazów w tego rodzaju usiłowaniach, tym więcej rozkoszy. Dostojewski jako znawca serc kobiecych w teorii, sądził, że skoro dał kobiecie słowo honoru, to powinien go dotrzymać. Potem oświadczył się Polinie, błagał o jej rękę, chciał, by została jego żoną, wypowiadał przekonanie, że śmierć jego żony prędko już nastąpi. Polina wzruszała ramionami, żeby go męczyć. Dobrali się dobrze, ona była sadystką, a on widocznym masochistą (Cat-Mackiewicz 2013: 170–171).

В 1865 году Достоевский делает еще одно предложение А.В. Корвин-Круковской, которая также значительно младше писателя: ей не полные 22, ему – 43. «Ему нужна совсем не такая жена, как я, – в тот же вечер объясняла она младшей сестре. – Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем думать. А я этого не могу, я сама хочу жить!» (Сараскина 2013: 402–403). Нельзя найти такой возможности самопожертвования и в Аполлинии Суловой. Но уже вскоре найдется та, которая посвятит всю свою жизнь именно Достоевскому, будет видеть только его и его творчество, будет называть писателя «солнце моей жизни», – А.Г. Сниткина (Достоевская) станет женой писателя 15 февраля 1867 года. Как пишет она в своих воспоминаниях, Достоевский сказал ей в соборе перед венчанием: «Наконец-то я тебя дождался! Теперь уж ты от меня не уйдешь!» (Достоевская 2015: 164). И она не уйдет, будет переносить все горести и невзгоды, страсть к игре, смерть двоих детей, а потом станет издателем произведений Достоевского, а также его мемуаристкой, будет продолжать величайшее служение личности писателя многие годы и после его смерти.

Но даже после женитьбы не обрывается переписка Достоевского с Суловой. Сам писатель в последнем известном письме к Суловой от 23 апреля (5 мая) 1867 года пишет из Дрездена: «Я женился в феврале нынешнего года» (Достоевский 1985: 28(2): 182); сообщает некие бытовые детали, но ни словом не упоминает, что любит свою жену, хотя о ее любви говорит несколько раз: «Так как

со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в годах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет» (Там же); заканчивая, Достоевский пишет: «До свидания, друг вечный!»; а также не прощается окончательно и обещает сообщать новые адреса, заканчивая: «Прощай, друг мой, жму и целую твою руку» (Там же: 184).

А уже 5 (17) мая этого же года Достоевский пишет из Гомбурга жене Анне Григорьевне письмо, полное нежных слов: «Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя! Вот в разлуке-то все почувствуешь и перечувствуешь и сам узнаешь, как сильно любишь. Нет, уж мы с тобой начинаем срастаться» (Там же: 185). Далее, до 14 мая включительно, Достоевский будет писать жене каждый день: всего было выслано 10 писем без перерыва. Что происходило в душе писателя после прощального письма Сусловой, документальных свидетельств нет, но чувственная активность по отношению к жене может послужить новой основой для психоаналитических мифов об искуплении внутреннего надрыва и вины.

А.Г. Достоевская в воспоминаниях избегает упоминания о Сусловой, а еще до женитьбы замечает несколько наивно о муже:

И мне показалось странным, что, судя по его воспоминаниям, у него в молодости не было серьезной горячей любви к какой-нибудь женщине. Объясняю это тем, что он слишком рано начал жить умственной жизнью. Творчество всецело поглотило его, а потому личная жизнь отошла на второй план (Достоевская 2015: 145).

Она будет всячески стараться «обелить» Достоевского в своих воспоминаниях, будет вычеркивать все те места, которые могли бы положить хоть какую-то тень на фигуру писателя. Некоторые моменты позволили прочитать только лишь современные технологии, что и привело к публикации нового издания *Солнце моей жизни. Воспоминания. 1846–1917*, подготовленного И.С. Андриановой и Б.Н. Тихомировым и увидевшего свет в 2015 году. В этой же книге читаем слова о Достоевском:

Как ни разнообразно было содержание наших ежедневных бесед за это время, никогда не касались они тем нецеломудренных или скабрезных. Трудно было бы сдержаннее и деликатнее относиться к моей девичьей скромности и стыдливости, чем это делал мой жених (Там же: 155–156).

Но ведь этот жених уже пережил те отношения с Сусловой, о которых мы говорили ранее, прошел путь сладострастных желаний, а поэтому воспоминания А.Г. Достоевской не выглядят убедительно. В уже упомянутом письме из Гомбурга за 5 (17) мая 1867 года неслучайной в таком контексте выглядит еще одна фраза Достоевского по отношению к жене, которую, как он утверждает, дал ему Бог: «...Дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил» (Достоевский 1985: 28 (2): 184). О каких грехах говорит Достоевский, возможно, мы никогда не узнаем, но, как было показано, мифов подобное утверждение может породить множество. А.Г. Достоевская же утверждала:

Из совместной четырнадцатилетней жизни с Федором Михайловичем я вынесла глубокое убеждение, что он был один из целомудреннейших людей. И как мне горько было прочесть, что столь любимый мною писатель И.С. Тургенев считал Федора Михайловича циником и позволил себе назвать его «русским маркизом де Сад» (Достоевская 2015: -156–157).

На фоне приведенного материала это колебание личности Достоевского между полюсами эроса и этоса представляется как нечто неизбежное, и дать окончательный и абсолютно достоверный ответ просто невозможно. Так, в 2016 году на сайте “The Question” был поставлен вопрос для публичного обсуждения: «Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом (письмо Н. Страхова Л. Толстому)» (Иванов 2016), что в очередной раз вызвало далекие от окончательного ответа дискуссии специалистов и любителей. В данном исследовании на первый план выведены именно документальные свидетельства – с учетом новейших открытий. Важно в таком контексте является необходимость четко разграничивать достоверные факты и мифы, которые являются лишь следствием интерпретаций и домыслов. Именно в таком ключе мы и попытались подать материал в исследовании, представляющем актуальное осмысление заявленной темы.

Библиография

- Andrianova, I.S., Tihomirov, B.N. (2015). *Lúbit' Dostoevskogo. Anna Grigor'evna Dostoevskaa i ee vospominaniâ*. V: Dostoevskaa, A.G. (2015) *Solnce moej žizni. Vospominaniâ. 1846–1917*, Moskva: Boslen: 10–39 [Андрианова, И.С., Тихомиров, Б.Н. (2015). *Любить Достоевского. Анна Григорьевна Достоевская и ее воспоминания*. В: Достоевская, А.Г. *Солнце моей жизни. Воспоминания. 1846–1917*, Москва: Бослен:10–39].
- Bart, R. (1994). *Smert' avtora*. V: *Izbrannye raboty: semiotika: poëtika*. Moskva: Ripol klassik: 384–391. (Online) <http://philology.ru/literature1/barthes-94e.html> (доступ 16.08.2019) [Барт, Р. (1994). *Смерть автора*. В: *Избранные работы: семиотика: поэтика*. Москва: Рипол Классик: 384–391. (Online) <http://philology.ru/literature1/barthes-94e.html> (доступ 16.08.2019)].
- Bogdanov, N.N. (2019). *Vokrug Dostoevskogo: poiski, nahodki, razmyšleniâ*. Sankt-Peterburg: Serebrânij vek: 170 [Богданов, Н.Н. (2019). *Вокруг Достоевского: поиски, находки, размышления*, Санкт-Петербург: Серебряный век: 170].
- Cat-Mackiewicz, S. (2013). *Dostojewski*. Kraków: Universitas.
- Dostoevskaa, A.G. *Solnce moej žizni. Vospominaniâ. 1846–1917*. Moskva: Boslen [Достоевская, А.Г. *Солнце моей жизни. Воспоминания. 1846–1917*. Москва: Бослен].
- Dostoevskij, F.M. (1974). *Polnoe sobranie sočinenij: v tridcati tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1974). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1975). *Polnoe sobranie sočinenij: v tridcati tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1975). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1985). *Polnoe sobranie sočinenij: v tridcati tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1985). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Frejd, Z. (1995). *Dostoevskij i otceubijstvo*. V: Frejd, Z. *Hudožnik i fantazirovanie*. Moskva: Respublika: 285–294 [Фрейд, З. (1995). *Достоевский и отцеубийство*. В: Фрейд, З. *Художник и фантазирование*. Москва: Республика: 285–294].
- Ivanov, I. (2016). *Kak vy dumaete, byl li Dostoevskij pedofilom (pis'mo N. Strahova L. Tolstomu). The Question*. (Online) <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-byli-li>

- dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu (доступ 16.08.2019) [Иванов, И. (2016). Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом (письмо Н. Страхова Л. Толстому). *The Question*. (Online) <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-by-l-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu> (доступ 16.08.2019)].
- Leont'ev, K.N. (1990). *O vseмирnoj ljubvi: po povodu reči F.M. Dostoevskogo na Puškinskom prazdnike*. V: *O Dostoevskom: tvorčestvo Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1931 gg.*, Moskva: Kniga [Леонтьев, К.Н. (1990). *О всемирной любви: по поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике*. В: *О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Москва: Книга].
- Mihajlovskij, N.K. (1882). *Žestokij talant*. V: *Polnoe sobranie sočinenij F.M. Dostoevskogo*. Т. 2–3. Sankt-Peterburg [Михайловский, Н.К. (1882). *Жестокый талант*. В: *Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского*. Т. 2–3. Санкт-Петербург].
- Saraskina, L.I. (2013). *Dostoevskij*. Moskva: Molodaâ gvardiâ [Сараскина, Л.И. (2013). *Достоевский*. Москва: Молодая гвардия].
- Strahov, N.N. (1883). *N.N. Strahov – L.N. Tolstomu, 28 noâbrâ 1883 g. Sankt-Peterburg*. (Online) <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpe/ts6/ts72652-.htm> (доступ 15.08.2019) [Страхов, Н.Н. (1883). *Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 28 ноября 1883 г. Санкт-Петербург*. (Online) <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpe/ts6/ts72652-.htm> (доступ 15.08.2019)].
- Suslova, A.P. (1994). *Šižaiâ i svoj: Dnevnik – povest' – piš'ma*. Minsk: Universitëtskae [Суслова, А.П. (1994). *Чужая и свой: Дневник – повесть – письма*. Минск: Універсітэцкае].
- Svincov, V. (1995). Stavroginskij Greh Dostoevskogo. *Voprosy literatury*. Vyp. 2: 111–142 [Свинцов, В. (1995). Ставрогинский грех Достоевского. *Вопросы литературы*. Вып. 2: 111–142].
- Svincov, V. (1999). Dostoevskij i «otnošeniâ meždu polami». *Novyj mir*, 5. (Online) https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/5/dostoevskij-i-otnosheniya-mezhdu-polami.html (доступ 16.08.2019) [Свинцов, В. (1999). Достоевский и «отношения между полами». *Новый мир*, 5. (Online) https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/5/dostoevskij-i-otnosheniya-mezhdu-polami.html (доступ 16.08.2019)].
- Šestov, L. (2000). *Dostoevskij i Ničše (filosofia tragedii)*. V: *Apofeoz bespočvennosti*. Moskva: AST [Шестов, Л. (2000). *Достоевский и Ницше (философия трагедии)*. В: *Апофеоз беспочвенности*. Москва: АСТ].
- Volgin, I.L. (1991). «Rodit'sâ v Rossii...» *Dostoevskij i sovremenniki: žizn' v dokumentah*. Moskva: Kniga [Волгин, И.Л. (1991). «Родиться в России...» *Достоевский и современники: жизнь в документах*. Москва: Книга].
- Zaharov, V.N. (1978). *Problemy izučeniâ Dostoevskogo*. Petrazavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet [Захаров, В.Н. (1978). *Проблемы изучения Достоевского*. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет].
- Zaharov, V.N. (2013). *Imâ avtora – Dostoevskij: očerk tvorčestva*. Moskva: Indrik [Захаров, В.Н. (2013). *Имя автора – Достоевский: очерк творчества*. Москва: Индрик].